

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

DOI 10.35775/PSI.2025.114.2.006

УДК 32

А.А. ТУШКОВ

доктор исторических наук, доцент, профессор
Академии военных наук, Россия, г. Москва
E-mail: aa_tushkov@mail.ru

О.В. МАТВЕЕВ

доктор исторических наук, профессор
кафедры международных отношений и внешней политики РФ
Московского государственного лингвистического
университета, Россия, г. Москва
E-mail: matveev4you@mail.ru

А.А. НИКОЛЕНКО

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры международных отношений и права
Владивостокского государственного университета,
Россия, г. Владивосток
Email: Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru

И.Ю. СОМОВА

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой зарубежного регионоведения
Университета Мировых Цивилизаций им. В.В. Жириновского,
Россия, г. Москва
E-mail: Innaaleftina@mail.ru

СИГНИФИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ РУССКОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Проблема исследования столкновения цивилизаций в политической науке в связи с современной международной обстановкой становится все более актуальной, при которой изучение различий между обществами стоит наиболее остро и может привести к пониманию того, как функционируют данные общества и как разрешить накопившиеся противоречия. Выявление агрегативных свойств систем в этой связи играют ведущую роль. Авторы, ставя перед собой задачу исследования Русской локальной цивилизации с точки зрения цивилизационного подхода, тем не менее, ограничиваются паллиативами и не претендуют на всеобъемлющий анализ российского цивилизационного развития. Социальные установки, сформировавшиеся в ходе исторического

и политического развития, сформировали уже на постсоветском этапе развития страны особое свойство – локалитет, т.е. свойство, которое в полной мере характеризует Русскую цивилизацию. Именно предложенный авторами аспект является предметом данного исследования.

Ключевые слова: цивилизация, Русская локальная цивилизация, общественный процесс, власть, особенности политического процесса, цивилизационный подход.

В исследовании некоторых аспектов Русской локальной цивилизации необходимо учитывать тот факт, что социальные установки в российском цивилизационном развитии прошли значительные изменения, которые в полной мере характеризуют Русскую цивилизацию. От имперской и патерналистской, советской традиции, через архаичную, элитарно-олигархическую на постсоветском и современном этапе, сформировали **локалитет (1)**, как особое цивилизационное свойство современной России. Концепция В.С. Поликарпова и В.А. Поликарповой, которая рассматривает локальную цивилизацию России как «имеющую универсальный характер», обеспечивающую ее цивилизационную прочность [7], не может удовлетворить нас в полной мере. В том числе концепции и других авторов (Б.С. Ерасов, И.С. Яковенко, А.С. Ахизер и др.). Как отметил В.В. Бурьков, их концептуальные характеристики определяются идентичностью российской цивилизации, во многом акцентируют внимание на следующих признаках: «субцивилизация», «конгломерат цивилизаций», «расколотое общество» и т.д. [2. С. 237]. Далее он отмечает, что «цивилизационный подход, в котором взаимодействуют две разные, но до сих пор актуальные модели – линейно-стадиальная и локально-региональная, служит созданию многогранного образа России. В теории цивилизаций осознается и фиксируется сложность и многомерность исторического процесса, способа взаимодействия в нем традиций и прогресса. Поэтому ключевая проблема описания истории российской цивилизации – сочетание характеристики специфики России, как локальной цивилизации и характеристики отдельных этапов общего для многих стран исторического пути, который она прошла» [2. С. 237].

В отличие от определения В.С. Поликарпова и В.А. Поликарповой авторское определение российской цивилизации, более предметное. По нашему мнению оно заключается в том, что **Русская локальная цивилизация это – сообщество-территориальная общность, представляющая собой особый механизм, включающий комплекс поведения и мышления, сформировавшийся исторически, на определенном географическом пространстве. В его основе лежат политические и социальные практики, имеющие способы саморегуляции, а также обмен с окружающей средой и представленный различными подсистемами, в том числе экономической, социальной и культурной, которые цикличны в своем развитии.** Данное определение не бесспорно, но, тем не менее, дает исходное положение для расширения дискурсивного пространства, в том числе в исследовании дихотомии «общество – политическая власть» в цивилизационном развитии России.

В начале 2000-х гг. необходимость создания новейшей методологии для исследования Русской локальной цивилизации, остро ставит вопрос о том, как именно изучать самобытность России. Утратившие актуальность попытки изменить страну без учета цивилизационной специфики, привели к расколу внутри русской локальной цивилизации на уровне матриц. По мнению И.Г. Яковенко разрыв между западноевропейской формой самоорганизации и евразийской матрицей привел к формированию внутри России двух квазинародов с разными менталитетами [10]. Зависимость жизнеспособности цивилизации от качества менталитета и аттитюдов также связана с действием архетипов. Созидательная деятельность, а также поддержание иерархии выступает способом сохранения общества.

Длительное пребывание в рамках негативного применения западного опыта в условиях российской цивилизации привели к отторжению основной массой населения даже позитивных элементов западных социальных систем и институтов, а также усилили противоречие внутри общества. Вопрос самоопозиционирования и идентификаций так и остался нерешенным, при этом путь «нормализации» остался неприемлемым. В долгосрочной перспективе оказался опасным не из-за простого поглощения и экспансии, а угрозы реального уничтожения в следствии непринятия образа жизни «соседей». Условия, в которых «неправильный мир» российской цивилизации в виду особенностей восприятия западом этой проблемы, оказались доминантой в отношениях, не привело к кардинальным изменениям даже при попытках изменить базовые свойства российской властной стратегии [6. С. 226-238].

Кроме того, это мировоззрение доминирующей культуры, которая с помощью методов универсализации навязывает свою доминанту и ассимилирует более слабые, используя в качестве основного возможного действия закон подобия, порядок против хаоса разнообразия, расстановку отношений в виде концепта: «мы и варвары». Задача каждой успешной локальной цивилизации в таком контексте, создать наилучший универсальный образец жизни, распространить его на наибольшее количество примыкающих сообществ. Основным инструментом выступает культурная экспансия, корпоративные принципы существования [4. С. 721]. При этом необходимо отметить, что прогнозирование следующей возможной структуры установок зависит от множества факторов. В том числе от процессов социализации – ресоциализации; преимущества одного из видов локуса контроля внешнего или внутреннего; отношений общество-индивид, как наименее подвижной структуры в системе мира большинства обществ; структуры ценностей и установок, а также особенностей рациональности определенной нации. Политическая культура по большому счету зависит от ценностной ориентации, как общества, так и в большей степени элит, которые в свою очередь формируют цивилизационные ценности на каждом этапе, выступая в роли агентов-носителей определенного типа культуры, либо заимствованной, либо национальной, сформированной внутри среды цивилизации [4. С. 721].

Здесь уместно рассматривать явление трансгрессии и в рамках изменения языковых практик, выход языка за собственные рамки, так и в рамках политического, где трансгрессия может означать злоупотребление по г. Гегелю, как выход за пределы социального и ассоциирование объекта с внешним актором. Преодоление моральных регуляторов и способов мышления не только на индивидуальном плане, но и уровне обществ и цивилизации по Ж. Батаю сопряжено с «абсолютной негативностью», практическим распадом через стадию «безумия». Ответом на деструктивные тенденции становятся попытки вывести понимание Русского мира на другой уровень дискурса. Негативный имидж Русской локальной цивилизации, складывающийся в западном сознании с XVII века, связан не только с естественной конкуренцией цивилизаций, но и с восприятием «другого» в западной традиции, где «другой» заранее «враждебен». Поэтому восприятие концепции «Русский мир» внутри России и вовне носит противоположные коннотации. По версии националистов территорий бывшего союза, таких как Украина, Беларусь, прибалтийских стран «Русский мир» проявление экспансионистских устремлений и попытка навязать «русскость», при этом культурная экспансия запада не воспринимается этими элементами как враждебная [1. С. 7].

Попытка осмысления цели существования не только самой России, но и всех причастных к «Русскому миру», создание целостного имиджа Русской локальной цивилизации, ставит задачи не просто формирования идентичности, но также преодоление последствий распада 90-х годов и раскола внутри самого «Русского мира». Согласно подходу, В.А. Никонова существует три возможные сферы осмысления «Русского мира» как феномена, а, следовательно, и русской локальной цивилизации. Геополитическая связанная с суверенитетом страны и культурной самобытностью, геоэкономическая приобретающая особую актуальность в условиях надвигающегося мирового экономического коллапса [5. С. 453], а также непосредственно геокультурная связанная с работой как с соотечественниками за рубежом, так и мигрантами, прибывающими в Россию [3].

«Мягкая сила» справилась с задачей наполовину, переварить сложную систему устоявшейся традиции, хоть и «менее успешной» в экономическом плане не удалось. Поэтому стратегия работы с культурным ядром конкурирующей общности продолжилась в другом ключе, что постепенно привело к выработке определенного иммунитета у реципиента. Данное положение дел привело к нарастанию противоречий устоявшейся «новой элиты», как с еще одной «новейшей» внутри социума, но также и к противостоянию с внешним противником, которые не изменил стратегий взаимодействия до конца. Хотя и подрывная его тактика «изнутри» все более очевидна. При этом вопрос позиционирования на международной арене по-прежнему зависит от внутреннего консенсуса. Нация имеет структуру комплексной системы, а государство, не являясь мононациональным образованием с примитивной структурой, то должна учитывать и эти особенности. В том числе важным является консервативный опыт различных этносов и их самоопределение в рамках российской цивилизации как элементов более

крупной структуры, а не атомарных образований. Тенденция к шовинизму в этой ситуации будет усиливать негативные проявления процесса, поэтому важными становятся позитивные изменения и преодоление деидеологизации общества, а также социальный консенсус и преодоление возможных конфессиональных противоречий.

Также выработка четких ценностных ориентиров общества невозможна без корректировки морально-нравственных ориентиров, причем сознательно и планомерно. Так как протяженность территории способствует эффекту дробности и разобщенности в региональном плане, единая ценностная матрица и моральные ориентиры – единственно возможный инструмент для закрепления целостности. Протяженность также имеет свойство транзиторного характера, когда отчужденная элита воспринимается как внешняя сила, управляющая отторгнутой территорией, а отношение к пространству как к чужому создает углубляющееся отчуждение, что наиболее опасно при низкой мобильности граждан.

Попытки деактивировать конфликт и напряженность инструментами подавления и исключения из дискурса основных проблем приведут к нарастанию латентного недовольства, которое незаметно может перейти в ситуацию распада и импульсивного разрешения. Проект будущего при этом наиболее важная деталь выхода из кризисного состояния, но он должен отражать существующие позитивные тенденции, где абстрактные построение из-за высокого недоверия власти со стороны населения приведут скорее к дестабилизации.

Зачастую несовпадение ценностных ориентиров элит с ценностями общества, приводит к уничтожению элиты и запуску рекрутинговой волны. Позитивный эффект обновления в этом случае возможен только при ориентации на запрос общества, а также на сложившиеся базовые ориентации социокультурного толка. Все наиболее эффективные системы, ориентированные на следование внутренней логики развития общества. При этом у российской цивилизации, где нет внешних, отвлеченных от локального пространства ресурсов в виду несовершенства технологий «мягкой силы», а также такому ключевому принципу политической культуры России, как «этатизм», существует некая замкнутость на собственные силы. При этом отторгая патерналистские характеристики культуры угнетения на уровне ценностных матриц, эта самая культура через сформированные политические институты дискриминационного типа реализуется при осуществлении прямого управления на местах. Даже формальное отрицание уравнивания избранности и материальной состоятельности не препятствуют восприятию данного поведения на уровне локального. Индоктринация внешней схемой ценностей проходит по линии локалитета, перетекая в индивидуальные представления. Такая негативная тенденция имеет в основе попытку отождествления себя с «большим» обществом, абстрактной крупной общностью, которой не существует на самом деле. Дуализм восприятия собственного положения отражается и в том, что, утратив патерналистские характеристики государство пытается следовать по инерции схемам патернализма, при этом

усугубляя архаизацию отношений. В результате население попадает в ситуацию вторичного варварства, когда большая часть политических понятий становятся подобием карго-культа.

Дробление элиты на национально-ориентированную и внешне-ориентированную, по сути, основано на отношениях вокруг ренты и собственности, но не на разнице идеологий. В деидеологизированном пространстве любые идеологические установки остаются формальными и не отражают сути происходящих процессов. Обе обозначенные группы отражают наличие периферийного менталитета и проецируют дисперсным образом образцы поведения на все общество, внутри которого также появляются условные группы: «охранительно-националистические», «либертарианско-рыночные», «националистические» и, наконец, «условно левые» взгляды. По сути это является проявлением дезориентации и попыток сформировать идентичность на основе представлений о политическом в достаточно примитивной форме.

Отсюда можно сделать вывод, что цивилизационные характеристики влияют на свойства политической власти. Власть создает прецеденты в рамках цикла, являясь агентом, через который внешние элементы поступают в среду цивилизации. При этом цивилизация, как явление, существует в трех плоскостях – время, пространство и прецедент, которые являются переменными величинами и также связаны с циклом: «стагнация» – «хаос» – «отчуждение» – «восстановление». Исходя из следующего суждения, что все цивилизации, в том числе и Русская локальная цивилизация, условно существующие в большом цикле, таком как «потенциально отстающие» – «отстающие» – «потенциально доминантные» – «доминантные», проходят в своем развитии определенные политические процессы, в той или иной мере характеризующие данную цивилизацию. Так как «складывается принципиально новая социокультурная ситуация, к которой, как показывает анализ текущих внутриполитических процессов, не готовы ни элиты, ни массовые группы. В частности, можно прогнозировать, что уже в ближайшей перспективе разделение, связанное с цифровым отчуждением, будет стимулировать различного рода конфликты, вызванные попытками унификации и стандартизации межличностного общения. Такие конфликты могут привести к деградации социальной ткани, к размыванию культурного и этического кода социума» [8. С. 73]. Можно заключить, что конфликтность и ее характер влияет на свойства цивилизации в локальном срезе.

Российское цивилизационное развитие влияет на политическую власть через базовые свойства, власть в свою очередь влияет на цивилизацию через индент, становящийся прецедентом, внедряя новые внешние элементы. Задача элиты в этой связи создать свою субкультуру на основе национальных интересов и особенностей политической власти, которая сможет конкурировать в мировом масштабе. Так как сами условия внутренней среды, в т.ч. природные, не способствуют сохранности материальных ценностей и материи как таковой, то принципиальным отличием российской цивилизации от западной является создание культурной среды и субкультуры, позволяющей сохранять идеи,

знания, (дух) и передавать, и транслировать в политический процесс. Внедрение внешних элементов «материально-ориентированной» западной цивилизации, где материальный фетиш важнее смысла, без адаптации под условия и внутренний культурный базис, подрывает способ существования общества и управления в нем, что и является элементом культурной экспансии. При этом базовыми элементами политической власти российской цивилизации, исходя из вышесказанного, являются:

- во-первых, стремление к внешне традиционным действиям и решениям;
- во-вторых, не решенный вопрос с традициями как таковыми, из-за нестабильности в культурной преемственности;
- в-третьих, стадийный кризис самоидентификации, как власти, так и общества;
- в-четвертых, легитимация через «другого», создающая ситуацию «инородности» власти;
- в-пятых, законсервированный потенциал развития, из-за разрозненности и непостоянного процесса эволюции систем.

Лоялистские ориентации рекрутинга, усиливают тенденции к коллективной автаркии. При этом существование традиционных схем остается неоднозначным. Потенциал страны в разные периоды зависит как от инновационного, так и традиционного поведения на разных участках и этапах существования.

Также выделяя новый принцип для властных процессов в России можно обозначить как анахронический, как особое поведение властных элит в России. Обеспечивая свои интересы представители власти проецируют собственный образ мышления (искаженного из-за трех вышеописанных факторов таких, как цикл «стагнация-отчуждение», «восприятие времени как циклического» и «периферийный менталитет») на другие исторические эпохи как в ретроспективе, так и на процесс будущих преобразований и развития, формируют особый концепт политической власти России в контексте российской цивилизации. Природа этнического менталитета имеет в основе событийность, прецеденты, которые создает политическая власть. Главный вопрос как решается противоречие, при мобилизации ресурсов. Изымаемый из общества для мобилизации ресурс, зачастую не заменяется властью даже символически, что создает кризисы.

Исходя из проведенного исследования, авторы делают вывод, что характерной чертой политической власти в системе российской цивилизации служит внешняя, либо индоктринированная элита периферийного типа, когда внутренний конфликт в обществе достигает апогея цикла «отчуждение» – «хаос». При том, что агрегативными свойствами являются отчуждение, периферийный менталитет, циклическое время, а эмерджентными свойствами – вид индоктринации (либеральный, коммунистический, иной), развитие и масштаб внутреннего конфликта, носит временной контекст. Так как политическая власть и ее специфика являются отражением особенностей развития цивилизации на каждом

этапе, то можно предположить следующую схему динамических изменений, где существует две волны спада (позднеимперский и постсоветский отрезок) и углубляющаяся отрицательная динамика, которая характеризуется негативными тенденциями.

Первая тенденция – это дезориентация. При возрастающей ориентации на абстрактного лидера, героя, ориентирующуюся на часть населения, представляющую старшее поколение, она ориентируется на образцы прошлого (вождь, царь, генсек), ищет потенциальный образец героя в западной традиции (внешний актер, захватчик, сильная рука).

Второй негативной тенденцией, которой характеризуется углубляющаяся отрицательная динамика развития, является социальный дисбаланс, конфликт состояний.

И, наконец, третья тенденция, которая заключается в культурном упадке и отсутствии гражданской культуры как таковой. Оба эти периода имеют схожие характеристики. Из этого можно сделать еще один вывод, который в полной мере характеризует свойства политической власти в российской цивилизации относительно периодов:

- доимперское состояние: традиционные формы власти при внутреннем конфликте;
- имперское состояние: постепенное заимствование инноваций, в том числе в технологиях управления, большая ориентация в легитимации на «другого»;
- позднеимперское состояние: переход к упадку систем управления, распад традиционных схем управления при нигилизме элит и апатии населения;
- раннесоветское состояние: создание новой властной традиции и методик управления, ориентация на специфику и условия, при внешней изоляции;
- среднесоветский период: стагнация созданной традиции, реконструкция мелкособственнического сознания, постепенный переход в фазу хаоса;
- позднесоветское состояние: распад новой традиции, дезорганизация управления, дряхление аппарата, нигилизм правящей верхушки;
- новая Россия: внедрение традиционных элементов в управление, попытки реконструкции имперской традиционности, активное развитие негативных трендов;
- современное состояние: попытка стабилизации и унификации традиций управления при средней и высокой динамике негативных трендов.

Исходя из этого, можно констатировать, что сущностью института политической власти в России становится взаимовлияние цивилизационных характеристик и политической власти. Власть создает прецеденты в рамках цикла, являясь агентом, через который внешние элементы поступают в среду цивилизации. Содержанием процессов является циклический характер власти. Где цикл выглядит следующим образом: «стагнация» – «хаос» – «отчуждение» – «восстановление» – «повторная стагнация». При этом в рамках цикла существуют крупные

этапы: «зарождение» – «развитие» – «кризис», что подтверждает цикличную природу социальных и политических процессов в рамках цивилизации.

Основными принципами организации и функционирования института политической власти российской цивилизации являются такие как: авторитарность; экстремальные условия действий; приоритет управления сетевыми группами, а не ресурсами; ставка на лояльность управленцев. Также стоит отметить, что стадийный кризис самоидентификации, становится еще одной особенностью не только политической системы, но и свойством всей цивилизации, что позволяет, с одной стороны, аккумулировать новые черты из внешней среды, но наталкиваясь на отчуждение, он становится причиной фрустрации нации, одновременно оставаясь и шансом, и причиной кризиса. Все вышеописанные явления являются признаками нестабильного состояния российской цивилизации на современном этапе, а также раскрывают специфические черты внутренних процессов развития, которые являются феноменами, включающими также противоречия. Тем не менее, властные отношения и политическая составляющая культуры остается в значительной степени традиционной и не выходит за рамки обозначенных циклов.

Таким образом, бессознательное восприятие власти, пространства, «иного» и самих себя формирует те принципы, на которых основывается Русская локальная цивилизация. Здесь изменчивость власти, ее стремление перетягивать чуждые архетипы, саму форму «чужеродности» как способ легитимации не совсем совпадает не только с ожиданиями населения, но и с логикой процесса. Парадоксальным образом периферийный менталитет преломляет восприятие элитами места и пространства русской локальной цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) В данном случае под локалитетом авторами понимается объемно-пространственная среда, в которой процессы социализации складываются в особые практики – политические институты и структуры, где способ их функционирования формируют организацию политической жизни (Прим. авт.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бильченко Е.В. Концепт «Русский мир» в контексте культурологии // Человек. Культура. Образование. 2012. № 4 (6).
2. Бурьков В.В. Методологические аспекты цивилизационной специфики России // <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-aspekty-tsivilizatsionnoy-spetsifiki-rossii/viewer>.
3. Градировский С.Н. Русский мир как объект геокультурного проектирования / С.Н. Градировский, Б.В. Межуев // http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/histori2003/gradirovsky-russmir.

4. **Николенко А.А., Тушков А.А.** К вопросу о методологических основах исследования подходов к проблемам локальных цивилизаций // Вопросы политологии. 2020. № 3.
5. **Никонов В.А.** Современный мир и его истоки. М.: Изд-во Московского университета, 2015.
6. **Панкратов С.А., Клиньшанс Е.В.** Россия в современной архитектуре международных отношений: прогнозные сценарии и границы допустимой реструктуризации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 3. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.20>.
7. **Поликарпов В.С., Поликарпова В.А.** Россия versus Рим (сравнительный анализ российской и древнеримской цивилизаций). Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2001.
8. **Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.** Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии оценки и классификации Полис. Политические исследования. 2021. № 5.
9. **Трофимова Р.П., Селезнев П.С.** Алгоритмы культурной политики российской цивилизации // Власть. 2016. № 5.
10. **Яковенко И.Г.** Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение. М.: Новые знания, 2014.

A.A. TUSHKOV

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor at the Academy of Military Sciences,
Moscow, Russia

O.V. MATVEEV

Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Department of International Relations and Foreign Policy
of the Russian Federation, Moscow State Linguistic
University, Moscow, Russia

A.A. NIKOLENKO

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of International Relations
and Law, Vladivostok State University,
Vladivostok, Russia

I.YU. SOMOVA

Candidate of historical sciences, associate professor,
head of the department of foreign regional studies University
of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky,
Moscow, Russia

SIGNIFICANT ASPECTS OF THE STUDY SOME PROBLEMS OF THE RUSSIAN LOCAL CIVILIZATION

The problem of studying the clash of civilizations in political science in connection with the current international situation is becoming increasingly relevant, in which the study of differences between societies is most acute and can lead to an understanding of how these societies function and how to resolve accumulated contradictions. The identification of aggregative properties of systems plays a leading role in this regard. The authors, while setting themselves the task of researching Russian local civilization from the point of view of a civilizational approach, nevertheless limit themselves to palliatives and do not pretend to a comprehensive analysis of Russian civilizational development. The social attitudes formed during the historical and political development formed a special feature of the country's development at the post-Soviet stage – the locality, i.e. the feature that fully characterizes the Russian civilization. It is the aspect proposed by the authors that is the subject of this study.

Key words: civilization, Russian local civilization, social process, power, features of the political process, civilizational approach.